

УДК [821.16.1]+17.022

РУССКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА XIX в. В ДИАЛОГЕ О НАЦИОНАЛЬНОМ ИМИДЖЕ

Орехов В. В.

Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь

В статье выясняются особенности интерпретации руссики в периодических изданиях России первой половины XIX в.

Ключевые слова: журналистика, межкультурные коммуникации, имидж, руссика.

Современные технологии продуцирования разнообразных (в том числе национальных) имиджей заставляют исследователей сосредоточивать внимание на меркантильной, запрограммированной природе «имаготворчества». Однако односторонний взгляд грозит упрощенностью представлений о коммуникативных механизмах. Следует учитывать, что, кроме технологической составляющей процесса, существует еще и стихийная – наименее управляемая и потому наиболее заслуживающая изучения.

Цель статьи – доказать, что национальный имидж является продуктом столкновения как минимум трех информационных потоков, протекающих в рамках: массовой, национальной и межкультурной коммуникации. В статье решаются следующие **задачи**: выявляются тексты руссики, опубликованные в периодических изданиях России; выясняются особенности комментирования и толкования текстов руссики; устанавливаются причины, обусловившие эти особенности.

В России XVIII в. активизировался процесс национального самосознания, формирования «своего» имиджа страны. Однако этот внутринациональный процесс происходил с привлечением иностранных оппонентов.

В. Кордт отмечает, что еще в конце XVII в. был осуществлен перевод сочинения о Московии А. Олеария. В 1739 г. при Российской академии наук француз Мальярд переводил английские путешествия в Московию. В 1748 г. К. Кондратович перевел записки о Московии Герберштейна [12, с. 3]. Среди первых опубликованных переводов следует назвать четырехтомные «Известия византийских историков, объясняющие российскую историю...» (1770-1775), подготовленные И. Штриттером по поручению Императорской академии наук.

В начале XIX ст. появилось несколько отдельных собраний иностранных текстов о России в переводе на русский язык [26; 22; 24]. В новых исторических условиях подобные издания приобрели характерную черту: отечественный комментатор стремится отреагировать на суждения иностранцев, способные оскорбить национальные чувства русских. Это стремление к защите российского имиджа от зарубежных нападок появляется именно в начале XIX в. Когда упомянутый уже Штриттер переводит византийские повествования о жестокости россос, напавших в 941 г. на Царьград [25, ч. III, с. 24], он оставляет их без комментария. Вряд ли подобные

эпизоды обошлись бы без примечаний переводчика, будь книга Штриттера опубликована полувеком позже.

Для подтверждения мысли обратимся к собранию «Сказания современников о Дмитрие Самозванце», подготовленному Н. Устряловым в собственном переводе с немецкого, французского и польского языков. Адъюнкт Императорской академии наук (позднее ординарный академик) Н. Устрялов оснащает тексты добросовестным комментарием. Однако среди научных, выверенных примечаний встречаются такие, которые имеют откровенно субъективный характер. Продемонстрируем наше наблюдение:

1). Маскевич заявляет, что русские «ни в чем не держат своего слова» [24, ч. V, с. 124]. Очевидно, что оспорить это суждение с позиции исторической науки проблематично. Но Устрялов не желает обойти вниманием слова иностранца и пишет в примечании: «Сам же автор неоднократно приводил примеры чести и благородства русских» [24, ч. V, с. 234]. Такое примечание не несет дополнительной информации, поскольку Устрялов ссылается на текст самого Маскевича, и без того доступный читателю.

2). Польские послы уверяют, что русская чернь верила в чудесные свойства останков царевича Демитрия. Московиты при этом выдавали за тело царевича труп специально убитого подростка [24, ч. IV, с. 207]. Не имея документальных опровержений для такой легенды, Устрялов попросту пишет: «Нелепый вздор!» [24, ч. IV, с. 231]. В этих и подобных случаях Н. Устрялов не находит научной аргументации. Его ремарки экспрессивны и субъективны. Что же заставило историка-профессионала допустить «ненаучные» вольности? Чтобы ответить на этот вопрос обратимся к российской публицистике.

Российские журналы первой половины XIX в. пестрели анонсами переведенных сочинений о России. В 1836 г. «Библиотека для чтения» объявила о публикации перевода «Писем леди Рондо, супруги английского министра при российском дворе...» и сопроводила объявление уничтожающей рецензией. «Ежели кто думает найти здесь что-нибудь особенно любопытного о русском дворе того времени, тот весьма ошибается, – сообщал обозреватель, – леди Рондо более занималась описанием разных господ Л., Б., Т., которые ей нравились и которые за нею волочились... Ее, как иностранку, более всего изумляли наши катанья с гор и наши качели» [19, с. 10].

В 1837 г. «Журнал Министерства народного просвещения» (ЖМНП) поместил рецензию на перевод книги Арриана «Перикл Понта Евксинского», где содержались «ценные сведения о Черном море». В рецензии поощрительно отмечались примечания, «необходимые в подобном сочинении» и составленные Н. Н. Мурзакевичем [11, с. 438]. В том же номере журнал сообщил, что к изданию готовятся переведенные с французского «Путевые заметки от Москвы до С.-Петербурга» «одного англичанина», побывавшего в России в царствование Екатерины II. Журнал прибавлял, что заметки эти «закljučают в себе весьма любопытные сведения, относящиеся к России XVIII столетия» [23, с. 9]. В 1839 г. журнал повторил анонс [15, с. 35].

В конце 1839 – в 1840 г. «Библиотека для чтения» знакомила публику с выходящим в Париже «Путешествием по Кавказу и <...> в Крым» Ф. Дюбуа де Монпере, «путешественника внимательного и совестливого» [20, т. 35, с. 93], и посвятила этому серии статей, содержащих фрагментарные переводы «Путешествия...» [20]. Одновре-

менно и ЖМНП анонсировал эти статьи [18, с. 99, 118; 17, с. 94; 16, с. 185], что, впрочем, объяснимо: автором статей о Дюбуа де Монпере был автор обозрений ЖМНП.

В ноябре 1839 г. ЖМНП объявил, что в Париже вышли на французском языке «Путешествия... по России» ди ПIANO Карпини. Журнал отмечает ценность французского издания и сообщает любопытную информацию: «Любители отечественной истории были порадованы года три или четыре тому назад объявлением книгопродавца Каллистратова об издании «Библиотеки иностранных писателей о России», в которой предполагалось помещать самые тексты и вместе с тем переводы. Это прекрасное предприятие, к сожалению, не состоялось; вышла только первая часть «Библиотеки», в которой помещен перевод путешествия ди ПIANO-Карпини» [20, с. 123-124]. Автор обзора путает детали. В 1836 г. Каллистратов действительно издал первый том «Библиотеки иностранных писателей о России», составленный надворным советником В. Семеновым. И на этом томе издание, в самом деле, надолго прервалось (до 1847 г, когда во II т. «Библиотеки...» были опубликованы «Московские записки» С. Герберштейна [2]), хотя Семенов и получил за него половинную Демидовскую премию [4, с. 255]. Но сочинения Карпини в этом томе не было. Текст Карпини (латынью и в русском переводе) был опубликован в сборнике «Путешествия к татарам», подготовленном ДСС Д. И. Языковым. По словам Ф. Аделунга [1, ч. I, с. 43], Языков предполагал издать таким образом тексты 11 иностранных авторов, но опубликовал лишь первый том серии (в 1825 г.), куда вошли сочинения ПIANO Карпини и Асцелина. Поэтому ясно, что корреспондент ЖМНП попросту спутал два аналогичных издания.

Кроме подобных отрывочных сообщений, российские журналы активно предлагали читателю иностранные тексты о России, и эти тексты порою образовывали одно из самостоятельных тематических направлений журнала. Так, Ф. Булгарин, организовав в 1822 г. издание «Северного архива», неоднократно помещал в нем зарубежные описания России, а в программе журнала на 1823 г. особо обещал читателям помещать «переводы из иностранных писателей о России» [3, с. 78].

В журнальных публикациях источников о России фактографические и библиографические комментарии приобретали, как правило, публицистическую заостренность. Характерно, что Пушкин, работая над Историей Петра I, предпринял в 1835 г. перевод одного из иностранных источников – «Мемуаров...» французского офицера на российской службе Моро-де-Бразе о турецкой кампании 1711 г. Текст перевода готовился для «Современника». Подобная публикация неизбежно должна была вызывать два серьезных затруднения. Во-первых, некоторые оценки, высказанные о России французским автором, явно противоречили цензурным соображениям. А официальная позиция по отношению к иностранным публикациям о России, всегда настороженная, после шквала зарубежной критики, связанной с подавлением польского восстания, еще усугубилась. Во-вторых, потому, что высказывания Моро-де-Бразе подчас противоречили историческим и политическим представлениям самого Пушкина. Однако для Пушкина была очевидна и историческая ценность источника, его востребованность публикой.

Чтобы снять противоречия, Пушкин снабдил текст предисловием и примечаниями, где постарался дать направление читательской интерпретации текста. В предис-

словии Пушкин предупреждает читателя: «Моро не любит русских и не доволен Петром; тем замечательнее свидетельства, которые вырываются у него поневоле. <...> Как живо описан Петр <...>! Мы не хотели скрыть или ослабить и порицания, и вольные суждения нашего автора, будучи уверены, что таковые показания не могут вредить ни славе Петра Великого, ни чести русского народа. Предлагаем «Записки бригадира Моро», как важный исторический документ, который не должно смешивать с нелепыми повествованиями иностранцев о нашем отечестве» [21, с. 253].

«Порицания» и «вольные суждения» француза Пушкин иллюстрирует двумя эпизодами: 1) Моро осуждает Петра за его недоверие к иностранным генералам; 2) Моро не может оценить храбрость русских солдат, смешивая ее с жестокостью. В первом случае Пушкин объясняет суждение француза «простодушной досадой», во втором – «забавной ветреностью». Но в примечаниях снова комментирует эти эпизоды. В первом случае Пушкин констатирует: «Как заметно, что здесь говорит иностранец, приверженный к своей партии» [21, с. 259]. А чтобы был ясен комментарий ко второму эпизоду, обратимся к тексту. Моро рассказывает, как тридцать венгерских всадников кинувшись на татарскую конницу, погибли на глазах у русской армии, и заявляет: «Даже наши конные гренадеры, хоть и русские, то есть хоть и не очень жалостливые сердца, однако ж просились на коней, чтобы их выручить, но генерал Янус не хотел взять на себя ответственность и завязать дело с неприятелем». На это Пушкин замечает: «Кажется, русские варвары в этом случае оказались более жалостливыми, нежели иностранцы, ими предводительствовавшие» [21, с. 268]. Кроме того, Пушкин оспаривает мнение Моро о пьянстве как о русской национальной черте [21, с. 263]. Впрочем, некоторые, стереотипные выражения француза о России Пушкин проигнорировал, видимо, считая, что они без комментариев вызывают иммунитет публики, как то: «варварские люди» «северной страны» [21, с. 251] или «русский народ <...> ленив и не любит военных трудов» [21, с. 254].

Пушкин обнаруживает также в повествовании Моро неверное описание подробностей европейской политики, однако очевидно, что пушкинскую критику вызвали прежде всего те суждения француза, которые способны оскорбить национальную гордость русских. Не стоит усматривать в этом стремление «подверстать» текст под запросы цензуры. Полемика с мнением Запада о России и русских стала одной из неотъемлемых черт русской литературы и публицистики XIX в. И «Записки бригадира Моро-де-Бразе» были не первым случаем, когда Пушкин принял в этой полемике активное участие. Впрочем, кажется, последним случаем: «Записки...» появились в «Современнике» уже после гибели Пушкина.

Полемичность в комментариях к «иностранным сказаниям» не всегда удерживалась в рамках вежливости. Зачастую отечественные комментаторы воспринимали «клеветы на Россию» весьма воинственно и в выражениях не стеснялись. Восстановим такую ситуацию. В 1841 г. Н. Греч возобновил издание журнала «Русский вестник», намереваясь составить конкуренцию «Отечественным запискам». Поскольку в «Отечественных записках» часто публиковались иностранные тексты о России, Греч создает и у себя целую рубрику «Известия иностранцев о России», функционировавшую до конца года. В 1842 г. такие тексты уже не публиковались под отдельной рубрикой, но помещались в отделении «Науки и искусства». Переводы не

всегда комментировались, но вот в № 7 и 9 «Русского вестника» за 1841 г. анонимный переводчик помещает записки англичанина Самуила Коллинса, жившего в России в эпоху царя Алексея Михайловича, и снабжает текст примечаниями, о характере которых можно судить по следующим фрагментам.

Англичанин уверяет, что в России «если кто из протестантов или католиков отрекается от своей веры, то он должен также отречься от своего первого крещения, проклясть своего отца и свою мать и плевать на них три раза через свое плечо». Переводчик запальчиво возражает: «Бесстыдная ложь!»

«Старики замечали мне, – неосторожно заявляет иностранный автор на той же странице, – что из двухсот англичан, шотландцев и голландцев, отрекшихся от своей веры, почти ни один не умер естественной смертью». Переводчик не смог обойти эту фразу равнодушно. «Но должен ли благоразумный наблюдатель, – делится он с читателем своим возмущением, – повторять всякую слышанную им нелепость?» [14, с.164]

Английский автор утверждает, что, по обычаю, в России покойнику «в руку дают удостоверение местного митрополита для донесения Св. Николаю Чудотворцу о доброй жизни и хороших нравах покойника». Переводчик снова не выдерживает: «Можно ли налгать таких глупых вздоров и не стыдиться печатать их?» [14, с. 171]

Таких полемических пассажей в тексте много. Но чтобы оставить за собой последнее слово, рассерженный переводчик пишет послесловие, где уничтожающе замечает об англичанине: «Читатели видели сами всю бестолковую и безобразную смесь известий его. <...> Какие лжи и клеветы на Россию и на русских, какое невежество в описании обитателей России и ее произведений, какое бесстыдство в рассказе небылиц <...>» [14, с. 595].

Переводчик не указывает своего имени. Но рискнем предположить, что это был почти забытый ныне публицист А. А. Горяйнов. Какие у нас для этого основания? Во-первых, Горяйнов был частым автором «Северной пчелы» Ф. Булгарина, что автоматически делало его желанным автором и в новом журнале Греча. Во-вторых, Горяйнов очень часто писал об отношениях Европы и России. И, в-третьих, самое главное, что только Горяйнову, кажется, был свойственен такой необузданный азарт в спорах с иностранными писателями.

«Человек 1812 года» (как он сам себя характеризовал), Горяйнов, видимо, с эпохи взятия Парижа интересовался отзывами иностранцев о России. В 1825 г. он опубликовал «Воззвание парижан к нашему царю. 1815» [5]. В эпоху Крымской войны Горяйнов был идеальным автором военных передовиц: в них были и искренний запал, и обостренное чувство патриотизма, и оперативность. Он писал тогда в «Северную пчелу» статьи почти о каждом крупном военном событии и почти сразу переиздавал эти статьи в виде отдельных брошюр [см.: 6-8 и др.]. Военная ситуация оправдывала несдержанность в выражениях, декларативность, обилие лозунгов, приверженность официальной позиции, но в мирное время это начинало возбуждать раздражение критики.

В 1858 г. Горяйнов издал брошюру «Что такое г. Тьер и нашествие его на Россию» [9]. Опровергая мнения французского историка, Горяйнов дошел до такого неистовства, что навлек на себя весьма иронический отзыв «Современника». Критик «Современника», явно находя манеру А. Горяйнова анекдотичной, делает подборку особенно поразивших его полемических фигур Горяйнова, нацеленных на

Тьера: «лжец и хвостун»; «всегда дерзкий и ветреный историк»; «как не пустить крови сочинителю таких нелепостей!» [13]

Для сравнения приведем перечень наиболее ярких аргументов комментатора анализируемой нами статьи о Самуиле Коллинсе из «Русского вестника» за 1841 г: «Нелепая клевета!» [14, с. 172]; «Надобно ли опровергать лжи, здесь сказанные?» [14, с. 173] «Опять нелепость» [14, с. 181]; «Извините – небылица!» [14, с. 570] «Сущая гиль!» [14, с. 575] «Невежество, едва постижимое!» [14, с. 575] «Надобно ли опровергать подобную бредню?» [14, с. 580] Не правда ли, стиль спора весьма узнаваем?

Однако не хотелось бы, чтобы невоздержанность г-на Гаряйнова дала повод относиться к спору с иностранными мнениями о России как к проявлению исключительно ура-патриотизма или публицистической бестактности. Оценка «иностраных сказаний о России» чаще становилась предметом серьезного осмысления действительно профессиональных историков и публицистов.

В качестве показательной иллюстрации обратимся к статье К. Кавелина в «Современнике» (1847). Критик разбирает очередной том «Чтений Императорского общества истории и древностей российских» и обращает внимание на перевод записок секретаря французского посольства при польском дворе Шевалье. Кавелин отмечает, что «сочинение Шевалье <...> интересно во многих отношениях» [10, с. 6], и с полным доверием начинает пересказ записок Шевалье о двух войнах между казаками и Польшей. Особенное восхищение критика вызывает эпизод, когда Хмельницкий, выиграв первую войну, диктовал польской короне свои условия, однако, подчиняясь формальностям, предстал перед королем и «со слезами» просил у него прощения. «Вот черта – чисто славянская!» – восклицает Кавелин.

Но вот Шевалье описывает, как Хмельницкий, потерпев поражение, предстал перед Хетманом Потоцким теперь уже в роли побежденного и просил у него прощения «с унижением и со слезами, которые он приобик проливать, когда нужда и обстоятельства того требовали». Намек на неискренность Хмельницкого задел критика. И вот его отклик: «Так говорит Шевалье, но он не прав и судит как иностранец. Мы убеждены, что Хмельницкий и в том и в другом случае плакал искренно. Таковы мы: мы хитры и наивны, добродушны и в высокой степени восприимчивы» [10, с. 7].

Кажется, что критик произвольно судит, соглашаться ему или спорить с иностранным свидетелем – ведь речь идет о вещах недоказуемых. Но если воспринимать позицию Кавелина в контексте публицистики той эпохи, то приходим к **выводу**, что эта *произвольность* подчинена закономерности. Русские журналисты, историки, литераторы XIX в. стремились противопоставить «взгляду со стороны» не только научное суждение о частных фактах, а свое собственное, национальное, всеобъемлющее представление о российской истории. И журналистика, и наука, и литература, объединяли свои усилия для создания в процессе межкультурного диалога российского национального имиджа.

Список литературы

1. Аделунг Ф.П. Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 года и их сочинений. В 2-х ч. / Ф.П. Аделунг. – М., 1864.
2. Библиотека иностранных писателей о России. – Отд. I. – Т. II. – СПб., 1847. – 160 с.
3. Булгарин Ф.В. Объявление / Ф.В. Булгарин // Северный архив. – 1822. – Ч.4. – № 19. – С. 77-84.

4. Выписка из протоколов заседаний Императорской Академии наук // Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП). – 1837. – Т. 14. – № 5 (май). – Отд. III. – С. 240-258.
5. Гаряйнов А.А. Воззвание парижан к нашему царю. 1815 / А.А. Гаряйнов // Калужские вечера, или Отрывки сочинений и переводов в стихах и прозе военных литераторов. Собранные А. Писаревым. Ч. I. – М., 1825. – С. 131.
6. Гаряйнов А.А. Восточный вопрос / А.А. Гаряйнов. – СПб., 1854. – 68 с.
7. Гаряйнов А.А. Две современности / А.А. Гаряйнов. – СПб., 1855. – 36 с.
8. Гаряйнов А.А. Современное представление / А.А. Гаряйнов. – СПб., 1854. – 57 с.
9. Гаряйнов А.А. Что такое г. Тиер и нашествие его на Россию / А.А. Гаряйнов. – СПб., 1858. – 86 с.
10. Кавелин К. (подп. К.К-н) Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. №5. Москва. 1847 / К. Кавелин // Современник. – 1847. – Т. II. – Отд. III. – С. 1-38.
11. Кирьяков М. *Арриана* Перикл Понта Евксинского. Перевел Андрей Фабр. Одесса, в городской типографии, 1836 / М. Кирьяков // ЖМНП. – 1837. – Т. 13. – № 2. – С. 430-439.
12. Кордт В.А. Чужоземні подорожні по Східній Європі до 1700 р. / В.А. Кордт. – К., 1926. – 205 с.
13. Новые книги. Апрель 1858 // Современник. – 1858. – Т. LXIX. – № 5. – С. 32-67.
14. Нынешнее состояние России, описанное англичанином, который девять лет прожил при дворе великого царя русского // Русский вестник. – 1841. – Т. 3. – № 7. – С. 161-182; – № 9. – С. 567-596.
15. Обзорение книг, вышедших в России в 1837 г. // ЖМНП. – 1839. – № 7 (июль). – С. 1 – 35.
16. Обзорение русских газет и журналов // ЖМНП. – 1840. – № 8 (авг.). – Отд. VI. – С. 185-186.
17. Обзорение русских газет и журналов за первое трехмесячье 1840 года // ЖМНП. – 1840. – № 6 (июнь). – Отд. VI. – С. 94-107.
18. Обзорение русских журналов // ЖМНП. – 1839. – № 11 (ноябрь). – Отд. VI. – С. 90-124.
19. Письма леди Рондо, супруги английского министра при российском дворе в царствование императрицы Анны Иоанновны. Перевел с англ. М.К. СПб, в тип. III Отд. с.е.и.в.к., 1835 // Библиотека для чтения. – 1836. – Т. 15. – Отд. VI. – С. 9-11.
20. Путешествия по южным областям России. Дюбуа де Монпере. Демидова. (б.п.) // Библиотека для чтения. – 1839. – Т. 35. – С. 93-126; 1840. – № 2. – С. 85-118; № 3. – С. 1-76; № 4. – С. 185-236.
21. Пушкин А.С. Полное собр. соч. В 19-ти т. / А.С. Пушкин. – М., 1994. – Т. 10.
22. Семенов В. Библиотека иностранных писателей о России / В. Семенов. – Отд. I. – Т. I. – СПб., 1836.
23. Указатель вновь выходящих книг // ЖМНП. – 1837. – Т. 13. – № 2. – С. 1-12.
24. Устрялов Н.Г. Сказания современников о Дмитрие Самозванце. В 4 ч. / Н.Г. Устрялов. – СПб., 1831-1834.
25. Штриттер И. Известия византийских историков, объясняющие российскую историю древних времен и переселения народов. В 4-х ч. / Штриттер И. – СПб., 1770-1775.
26. Языков Д.И. Собрание путешествий к татарам и другим восточным народам в XIII, XVI и XV ст. / Д.И. Языков. – СПб., 1825. – 306 с.

Орехов В. В. Російська журналістика XIX ст. У діалозі про національний імідж / В. В. Орехов // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2012. – Т. 25 (64), № 4, ч. 2. – С. 296–302.

У статті висвітлюються питання щодо інтерпретації росіки в періодичних виданнях Росії першої половини XIX ст.

Ключові слова: журналістика, міжкультурні комунікації, імідж, росіка.

Orekhov V. The Russian journalism in XIX century. In the dialogue about the national image / V. Orekhov // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Philology. Social communications. – 2012. – Vol. 25 (64), No 4, part 2. – P. 296–302.

In the article on analyzes the peculiarities of adaptation of “rossica” in periodical editions of Russia in the first part of XIX-th century.

Key words: journalism, intercultural communication, image, rossica.

Поступила в редакцію 18.10.2012 г.